

In Tōnalli in Tlācatl: Судьба, имя и богатство в доиспанском мировоззрении науа

АНАСТАСИЯ ВАЛЕРЬЕВНА КАЛЮТА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела внешних связей

e-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

В статье рассматриваются представления о богатстве, его происхождении и внешних признаках, существовавшие в обществе науа – крупнейшей этнической общности Мезоамерики к моменту прихода испанских завоевателей в начале XVI века. Основное внимание уделяется представлению науа о богатстве как выражении жизненной силы каждого человека и материальном проявлении его судьбы, предопределенной уже при рождении и наречении именем в соответствии с общим для всех коренных народов Мезоамерики 260-дневным гадательным циклом.

Ключевые слова: судьба, имя, наречение именем, богатство, внешние признаки богатства, регистривация богатства.

UDC 391.7

In Tōnalli in Tlācatl: Fortune, Name and Wealth in the Nahuatl Prehispanic Worldview

ANASTASIA V. KALYUTA, Ph.D. (History)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Leading researcher, Department of Foreign Relations

e-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

The article examines the notions of wealth, its origin and explicit characteristics among the Nahuatl (Aztecs), the largest ethnic group of Mesoamerica, by the Spanish arrival in the early sixteenth century. Special emphasis is placed on the Nahuatl belief that wealth is an explicit expression of an individual's life force and a material manifestation of one's destiny predetermined already by one's birth and name-giving in accordance with the 260-day Divinatory Circle common for all the Mesoamerican indigenous peoples.

Key words: fortune, name, name-giving, wealth, explicit markers of wealth, redistribution of wealth.

В настоящей статье рассматриваются традиционные представления науа о богатстве как выражении личностной ценности любого индивида. Науа, в отечественной традиции часто и ошибочно именуемые «ацтеки», являются создателями одной из крупнейших цивилизаций доколумбовой Америки, которой европейцы обязаны целым рядом элементов

своей современной материальной культуры. К моменту прихода испанцев в первой четверти XVI в. центр этой цивилизации находился на территории современного мегаполиса Мехико-Сити, столицы Мексики и его окрестностей, а политическое и культурное влияние распространялось примерно на треть современной территории страны¹.

Что же такое богатство с точки зрения науа в период их первых контактов с испанскими завоевателями? Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что богатство или его отсутствие воспринималось как одно из наиболее наглядных проявлений судьбы человека, которая была предопределена еще при его рождении и на языке науа обозначалась словом *tōnalli*. Это существительное, образованное от глагола *tōna* – «создавать жар», «светить», «палить», применительно к солнцу в своей изначальной абсолютной форме имело следующие значения: «солнечное тепло», «светлое время суток», «календарный знак», обозначающий определенный день 260-дневного календарного цикла *tōnalpohualli*².

В посессивной форме с добавлением безличного местоименного префикса «te-» – «чей-то» – это слово в зависимости от контекста могло означать: 1) предназначение, жребий; 2) право или привилегия; 3) душа; 4) участок земли кого-либо³. В одном из источников колониального периода личные земли правителя обозначаются с помощью бинотной конструкции *in tōnal in tlācatl*, дословно – «тональ этого человека»⁴. В качестве его синонима в том же источнике приводится термин *icosauh* – «его богатство»⁵. Тем не менее, исходя из вышеперечисленных значений термина *tōnalli* и грамматических особенностей языка науа, *in tōnal in tlācatl* точнее было перевести как «доля человека», «судьба человека».

Все эти значения отражают различные аспекты представлений науа о природе человека и тех факторах, которые определяют психологические черты каждого индивида и его существование на земле. Свою жизненную силу каждый человек получал от Солнца в ходе специально проводимого повитухой ритуала омовения и наречения именем новорожденного ребенка, совершавшегося обычно в течение первых 13 дней со времени его появления на свет. Стоит также отметить, что это имя выбирали на основе гадательного календаря *tōnalpohualli*, который науа восприняли от более древних обитателей Мезоамерики⁶. *Tōnalpohualli* состоял из комбинации 13 чисел и 20 знаков, представлявших собой стилизованные изображения животных, птиц, растений, предметов (например, кремь или дом) и природных стихий (илл. 1). Вместе множество 13 x 20 давало число 260, соответствовавшее полному циклу *tōnalpohualli*. Каждый из 20 знаков имел также свой числовой коэффициент от 1 до 13, указывавший на его положение в 13-дневном пери-

оде. Например, дни первого 13-дневного периода 260-дневного цикла именовались: Один Крокодил, Два Ветер, Три Дом, Четыре Ящерица и т. д.⁷. По истечении одного 13-дневного периода, начинался другой, и отсчет при этом велся заново с 1 до 13, так что 20 знаков *tōnalpohualli* постоянно чередовались. Согласно испанскому хронисту Торибио де Бенавенте Мотолонии, каждый человек первоначально получал так называемое календарное имя – название того из 260 дней, в который он родился⁸. Источники пестрят такими именами, как: Два Кролик, Четыре Кремь, Пять Трава. Каждый из дней *tōnalpohualli* принадлежал определенному божеству, равно как и весь 13-дневный период. Характер божества-покровителя 13-дневного периода, вместе со знаком и числовым коэффициентом каждого из входивших в него дней, определял, является ли данный день счастливым, нейтральным или несчастливым, а соответственно и какова будет судьба человека, появившегося на свет в этот момент, суждено ли ему богатство или бедность. Так человеку, родившемуся в течение 13-дневного периода, посвященного богу-творцу Тонакатекутли (буквально «господин

Илл. 1. Знаки *tōnalpohualli* в Кодексе Борджиа. Серегина XV в. *Códice Borjia. Edición facsimilar 1963. Vol. 2. México, Buenos Aires: Fondo de la Cultura Económica, Lám. 5*

нашего пропитания») успех сопутствовал во всех делах, а богатство само шло к нему в руки⁹. Напротив, люди, родившиеся в 13-дневный период, который находился под властью богини воды Чальчиутликуэ, даже будучи трудолюбивыми и рожденными в богатстве, были обречены на разорение и бедность в силу переменчивого характера водной стихии¹⁰ (илл. 2). Нищета и даже рабство были уготованы и тем несчастливцам, которые родились в день Два Кролик (Ome Tochtlī), посвященный божествам *ocltli* – алкогольного напитка из сердцевины агавы, т.к. этот знак предопределял их неодолимое пристрастие к этому напитку, ради удовлетворения которого они тратили все свое имущество¹¹. Кроме того, родившиеся под знаком Два Кролик в силу своего пагубного пристрастия отличались антисоциальным поведе-

нием, ленью, полным пренебрежением к своим семейным обязанностям и имуществу, а также готовностью на любые преступления: от воровства до изнасилований и убийств¹². В доиспанском обществе науа эти противоправные действия карались либо смертной казнью, либо обращением преступника в рабство. Тяжелей всего, по представлениям науа, было положение тех, кто родился в *nēmontēni* (букв. – «пустые дни», «лишние дни»), – в те пять дней, которые добавлялись к основному 360-дневному циклу, чтобы уравнивать его со средней продолжительностью солнечного астрономического года. Ни один из *nēmontēni* не входил в 260-дневный *tōnalpohualli* и не имел знака *tōnalli*, поэтому те, кто имели несчастье родиться в этот период, были вообще изначально лишены доли-судьбы, а соответственно и будущего. Показательно, что мужчину, родившегося в один из этих пяти дней, называли *nēmoquichtli* – «никчемный мужчина, неудачник», а женщину – *nēncihuātl*, «беспользная, несчастливая женщина»¹³.

Итак, понятие *tōnalli* объединяло в общий космологический комплекс день рождения человека, его имя, судьбу и психологические особенности с такими природными явлениями, как солнечный свет и тепло. В этом отношении оно сходно с аналогичными понятиями некоторых индоевропейских народов, прежде всего иранских. В иранской мифологии ключевым понятием является *фарн* – сверхъестественная энергия или сущность, приносящая богатство, власть и могущество. Как и в случае с *tōnalli*, значение термина восходит к древнеиранскому *хварна* – «солнечный свет, божественный огонь»¹⁴. Согласно Авесте, священной книге зороастрийцев, *фарн* человека воплощается обычно в богатстве, здоровье и семье¹⁵. Также имелось представление и о нехорошем, неудачливом *фарне*. В целом ряде современных европейских языков, в первую очередь, западно-романских, а также в английском языке, испытавшем сильное влияние старофранцузского, имя древнеримской богини плодородия и удачи Fortuna стало обозначать такие понятия, как «судьба», «богатство», «удачное или неудачное стечение обстоятельств» (илл. 3). Стоит отметить, что в популярном словаре современного английского языка Лонгмана именно «богатство» приводится в качестве первого, основного значения¹⁶.

Что касается представления о зависимости судьбы/богатства человека от дня его появления на свет, оно зафиксировано в фольклоре романских, германских и славянских народов Европы,

а также тюркских и монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии, исповедующих ламаизм (северный вариант буддизма) и пользующихся тибетским календарем или испытавших влияние ламаизма¹⁷.

Примечательно, что, как и в случае с аналогичными представлениями у индоевропейских народов Старого Света *tōnalli* любого человека не являлся чем-то стабильным, неизменным. Его можно было улучшить и увеличить или, наоборот, испортить или утратить совсем, что уже было чревато не только крайней нуждой, но и тяжелыми болезнями и даже смертью. На этом представлении были основаны уловки тех родителей, чьи дети появились на свет в несчастливые дни, т.е. изначально имели плохой *tōnalli*¹⁸. Если ребенок родился в какой-нибудь из несчастливых дней, наречение именем могли отложить до наступления следующего более благоприятного дня. Поскольку науа носили обычно несколько имен, *tōnalli* новорожденного можно было улучшить, дав ему имя какого-нибудь преуспевающего в жизни предка¹⁹.

Кроме того, в течение всей своей жизни каждый человек должен был вести себя так, чтобы не испортить и не потерять свой *tōnalli*, иначе его начинали преследовать всевозможные несчастья. Прежде всего, он должен был не забывать совершать регулярные жертвоприношения божеству-покровителю того 13-дневного периода, в который он родился. В эти дни он был обязан также выполнять целый комплекс ритуальных действий, которые науа называли *macēhualiztli* – «покаяние, очищение»²⁰. Они включали: пост, сексуальное воздержание, постоянные кровопускания из мочеушей, нижних конечностей и половых органов и запрет совершать любые гигиенические процедуры – от мытья и расчесывания волос до пользования косметическими средствами. Кроме того, человек должен был несколько раз в день совершать воскурения копалом (благоуханной смолой) в честь божества-покровителя своего знака, распорядившегося его судьбой. Люди, пренебрегавшие этим периодическим очищением и не воздававшие должных почестей божеству своего знака, теряли свой *tōnalli*, а вместе с ним и удачу. Также они лишались способностей, которыми наделял их при рождении тот или иной знак.

Так, например, девочка, родившаяся под знаком Семь Цветок (*Chicome Xochitl*), принадлежавшем богине Шочикецаль, покровительнице ремесел, в том числе ткацкого ремесла, повзрослев, становилась искусной ткачихой²¹.

Илл. 3. Богиня Фортуна
Римская копия с греческого оригинала IV в. до н. э.
[https://simple.wikipedia.org/wiki/Fortuna_\(mythology\)](https://simple.wikipedia.org/wiki/Fortuna_(mythology)) gama обращения 12.07.2016

Благодаря своему мастерству она могла обеспечить себе безбедное существование и рассчитывать на удачный брак. Тем не менее, если она регулярно не выполняла положенных обетов очищения и не приносила жертвы в дни, посвященные Шочикецаль, разгневанная богиня лишала ее способностей к ткачеству. Не имея другого источника дохода, ткачиха, разучившаяся ткать, была вынуждена зарабатывать на жизнь проституцией и могла стать жертвой такой грозной болезни, как сифилис, поскольку Шочикецаль была одновременно богиней плотской любви и венерических болезней²².

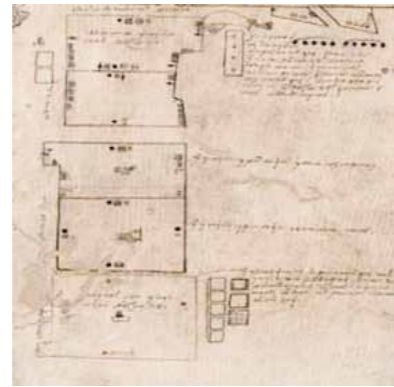
Также любой человек вне зависимости от социального статуса всегда должен был быть трудолюбивым и прилежным, смиренным и почтительным по отношению к старшим и вышестоящим, а по отношению к младшим и неимущим – доброжелательным и щедрым. Кроме того, он должен был избегать любых излишеств и праздности. Даже счастливы, родившиеся под знаком Крокодил (*Cipactli*), могли лишиться своего благоприятного *tōnalli* удачи и превратиться в нищих изгоев, если не следовали этим этическим нормам²³. Наконец, лишить человека его *tōnalli* могли враги и недоброжелатели²⁴.

Илл. 2. Несчастливая судьба родившихся под знаком воды. Codex Telleriano-Remensis, 1995, f. 11 r.

Илл. 4. Рынок науа. Codice florentino, vol. 2, Lib. 9, 1980, f. 2 г.

Илл. 5. Купленные земли и накидки, уплаченные за них. Oztoticpac Lands Map. 1540. Library of Congress, Washington D.C., USA <https://www.wdl.org/en/item/106/gama> обращения 12.07.2016

Илл. 7. Шуты, музыканты и акробаты правителя. Codice florentino, vol. 2, Lib. 8, 1980, f. 16

Илл. 6. Воины и пленники. Codex Mendoza, 1542, facsimile 1992, Los Angeles: University of California Press, vol. 1, f. 41 f.

Илл. 8. Раздача проговольствия и одежды нуждающимся Мотекусомой Первым. Илуикаминой, Атлас Дурана, 1588? Duran D. Historia de las Indias. Mexico: UNAM, 2 vols. Vol. 1. 1967

По представлениям науа похитить чужой *tōnalli* можно было с помощью колдовства. Человек, лишенный *tōnalli* подобным путем, тяжело заболел и обычно умирал, если только целитель или целительница своевременно не возвращали его пациенту с помощью заклинаний и особых магических действий. Эти действия – гадания на воде или кукурузных зернах, прием галлюциногенов и погружение в состояние транса – были направлены на поиски *tōnalli* пациента. Считалось, что в состоянии транса целительница может общаться с богами и духами и попасть в потусторонние миры, чтобы найти и вернуть больному человеку его *tōnalli*. Подробное описание поиска *tōnalli* в потусторонних мирах и возвращения его больному вместе с записанными заклинаниями, произносившимися в этом случае, содержится в сочинении католического священника Эрнандо Руиса де Аларкона под названием «Трактат о суевериях и языческих обычаях, которые поныне существуют среди индейцев, уроженцев Новой Испании» (1629)²⁵.

Что касается материальных проявлений богатства и обладания сильным благоприятным *tōnalli* среди науа, то, как и в древних обществах Старого Света, таковыми являлись: 1) обладание престижными и дорогими вещами; 2) возможность содержать лиц, находящихся в социальной зависимости от хозяина: рабов, кабанчиков, наложниц; 3) возможность осуществлять редистрибуцию материальных благ, устраивая периодические празднества для большого количества людей, во время которых демонстрировались богатство и щедрость хозяина. Остановимся более подробно на каждом из этих аспектов богатства с точки зрения науа.

В отношении роли престижных предметов как показателей богатства прежде всего нужно отметить, что доиспанское общество науа, при наличии весьма развитой торговли, хорошо организованных рынков и профессиональных торговцев *pōchtēcah*, не знало денег в современном понимании этого слова. Очень часто торговля на рынках осуществлялась путем бартера, т.е. простого обмена одних предметов на другие. Тем не менее, существовали категории предметов, являвшихся сами по себе ценностями, которые служили «деньгами», точнее меновыми единицами: бобы какао, стержни птичьих перьев, наполненных золотым песком, большие полотнища ткани, однотонные и украшенные рисунками или вышивками, а также одежда (илл. 4). Особенно часто при совершении сделок с недвижимостью, например,

куплей-продажей земель или строений, упоминаются *quachtli* – большие полотнища хлопчатобумажной материи, которые испанцы называли *mantas* – «одеяла» или *toldillos* – «занавеси». Например, в раннеколониальном источнике, известном как «Карта земель Остотикпака» (около 1540 г.), представляющем собой кадастр земель данной местности, напротив планов полей, купленных доном Карлосом Ометочтли, одним из младших сыновей последнего доиспанского правителя Тескоко Несауальпили, указано количество полотнищ, уплаченных за каждое из полей²⁶ (илл. 5). *Quachtli* широко использовались также при купле-продаже рабов. Например, на крупнейшем в Центральной Мексике рынке рабов в г. Аскопоалько за 40 *quachtli* можно было купить раба или рабыню без телесных изъянов, к тому же обученных пению и танцам²⁷. *Quachtli* ссужали в долг и оставляли в залог. Во время брачной церемонии невесте, как новой хозяйке дома, вручали 5 *quachtli*, поясняя, что с ними она должна отправиться на рынок и купить на них соль, красной перец, использовавшийся в качестве универсальной приправы к пище, и дрова²⁸. По этой причине ткацкое ремесло пользовалось у науа особым престижем. Каждая женщина, даже самая знатная, с детства училась ткать, чтобы обеспечить семье дополнительный доход²⁹.

Обладание такими престижными, дорогими и экзотическими вещами, как перья тропических птиц, драгоценные металлы (золото и серебро), полудрагоценные и поделочные камни (аметист, опал, бирюза, жадеит, янтарь, обсидиан) также было тесно связано с понятием *tōnalli*. Все эти предметы рассматривались науа как «горячие», т.е. наделенные той же исходившей от Солнца энергией, которая одушевляла людей при появлении на свет и определяла их характер и судьбу. Поэтому владеть и пользоваться ими могли только люди с хорошим *tōnalli*, прежде всего правители и знать, а также заслуженные воины, захватившие лично не менее 4 пленных. Науа верили, что, захватывая в плен врага, воин одновременно овладевает и его *tōnalli*, тем самым увеличивая свой собственный³⁰. Примечательно, что захватившие пленников воины науа всегда изображались держащими своих жертв за волосы на макушке – места входа *tōnalli* в тело человека при рождении (илл. 6). Вырванные с макушки пучки волос пленных воины науа хранили не только как трофеи, но и как предметы, увеличивавшие и поддерживавшие их *tōnalli*³¹. Вознаграждение

воина напрямую зависело от происхождения и социального статуса его пленника. Так, воин из Теночтитлана получал право носить губные украшения из янтаря и жадеита лишь за одного пленного из городов-государств – Атлишко или Уэшоцинко, жителей которых, преимущественно науа, в Теночтитлане воспринимали как равных себе и называли «братьями»³². Воин, взявший в плен даже 10 уастеков, представителей самой северной ветви языковой семьи майя, заселивших территории современных штатов Сан-Луис-де-Потоси и Веракрус, не мог рассчитывать на подобные награды³³. Науа считали уастеков «варварами», низшей по сравнению с ними породой людей, у которых не могло быть сильного *tōnalli*. Не могли пользоваться престижными и дорогими предметами и сами торговцы-*pōchtēca*, с большим трудом доставлявшие эти предметы из отдаленных от Центральной Мексики областей. Подобно тому как в построенной науа иерархии этносов «варвары»-уастеки считались низшей по сравнению с науа породой людей, сословие *pōchtēcah* стояло ступенькой ниже заслуженных воинов и наследственной знати *pipiltin*, что подчеркивалось введенными для них ограничениями в одежде и предписанными им правилами поведения. Исключение составляли лишь те случаи, когда верховный правитель в качестве поощрения наделял кого-нибудь из глав *pōchtēcah* правами и привилегиями наследственной знати.

Еще одним признаком богатства было наличие в домохозяйстве многочисленной челяди: слуг и наложниц, которые ежедневно получали пропитание из рук хозяина. Испанские хронисты не без изумления описывают огромные домохозяйства верховных правителей, насчитывавшие до нескольких тысяч человек. По утверждению конкистадора Берналя Диаса дель Кастильо при дворе верховного правителя Тройственного союза, который часто и неверно называют «ацтекской империей», Мотекусомы Шокойоцина (более известного в европейской традиции как Монтесума Второй) помимо 200 человек его личной охраны состояло несколько тысяч прислужников, наложниц, ремесленников, занимавшихся изготовлением предметов роскоши, садовников, заботившихся о многочисленных садах правителя, лиц, присматривавших за его личным зоопарком, включавшим почти все виды фауны Центральной Америки – от хищных зверей до рептилий, – а также певцов, танцоров и музыкантов, призванных развлекать Мотекусому и его гостей³⁴ (илл. 7). Подвластные ему правители также

располагали обслуживающим персоналом, выполнявшим различные функции – от охраны до увеселения своих хозяев, хотя и в меньшем масштабе. Все эти лица кормились за счет своих хозяев. Во дворце Мотекусомы ежедневно готовилось около тысячи порций различных блюд и более двух тысяч кувшинов какао – любимого напитка науа, являвшегося элитным и дорогим продуктом для всех, кто служил ему³⁵. Кроме того, заслуженные воины также получали право ежедневно столоваться во дворце правителя. Даже в домах состоятельных общинников были рабы, помогавшие хозяевам выполнять различные виды работ. Владение рабами в обществе науа было столь явным показателем материального достатка, что, по словам информаторов одного из самых выдающихся испанских хронистов Бернардино де Саагуна, люди, одурманенные грибами-галлюциногенами, в своих счастливых снах видели, что «они стали владельцами множества рабов»³⁶.

Наконец, как и в традиционных обществах Старого Света, одним из неотъемлемых признаков богатства, а также важным способом сохранения счастливого *tōnalli* и повышения социального статуса была возможность осуществлять постоянную редистрибуцию материальных благ путем их постоянного дарения, а также устройства празднеств, сопровождавшихся пирами, длившимися несколько суток. Подобные демонстрации щедрости со стороны правителей, знати и состоятельных торговцев не следует рассматривать лишь как выражение их доброй воли и свидетельство их хлебосольства. Это были установленные обычаями нормы поведения по отношению к нижестоящим и нуждающимся, средством обеспечения социальной стабильности и снятия напряжения, порожденного общественным и экономическим неравенством, особенно в кризисные моменты, например, во время стихийных бедствий, войны или голода. Верховные правители постоянно одаривали своих соседей и подданных одеждой, предметами утвари и рабами, устраивали периодические раздачи военной добычи, а в случае голода должны были снабжать нуждающихся продовольствием с собственных складов (илл. 8). Ценность и величина подарка зависели при этом не только от статуса владельца, но и от статуса одариваемого. Известно, что Мотекусома Шокойоцин пытался узнать, какое положение занимает каждый из воинов Кортеса, чтобы одаривать их соответственно их социальному статусу³⁷.

Очень часто подобные дарения совершались во время многодневных пиров, приуроченных к тому или иному религиозному празднику, военной победе, прибытию чужеземных послов или важному событию в жизни устроителя пиршества, например, рождению ребенка или вступлению в брак. Особенно интересен в этом отношении обычай, существовавший у торговцев-*pōchtēcah*, специализировавшихся на торговле с отдаленными от Центральной Мексики тропическими областями на побережье Тихого Океана, Мексиканского Залива и Теуантепекского перешейка. Каждый из торговцев, скопивший определенное состояние в результате нескольких лет удачных торговых экспедиций, должен был устроить пиршество, пригласив на него не только членов своей общины, но и знатных воинов³⁸. Во время пира происходила раздача подарков – различных товаров, которые он приобрел в дальних краях.

Если по истечении первых суток пиршества у хозяина еще оставались провизия и подарки, чтобы продолжить праздник на следующий день, это являлось предзнаменованием того, что ему суждено разбогатеть и в будущем устроить множество подобных пиршеств.

Таким образом, он повышал свой социальный статус и, со временем, мог стать одним из *pōchtēcatlahtoque* – глав торговой общины³⁹. Впрочем, благодаря устройению подобных пиршеств, очень напоминающих потлачи индейцев северо-западной части тихоокеанского побережья Северной Америки⁴⁰, можно было достичь власти не только в общине торговцев. В одной из хроник колониального периода, известной как «Анналы Куаутитлана» (около 1570–1573 гг.) упоминается, что незнатный по рождению, но очень состоятельный человек стал правителем довольно крупного государства Куаутитлан. Вопреки всем правилам наследования власти его выбрали сами жители – не только потому, что он прославился своими военными подвигами, но и потому, что он устраивал для них празднества четыре раза в год⁴¹.

Подводя итог, можно сказать, что у науа представления о богатстве, его происхождении и внешних проявлениях имели явные параллели с аналогичными представлениями в традиционных культурах многих народов Евразии, достигших стадии раннего государства или стоявших на пороге его возникновения.

¹ Баглай В.Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй. – М.: Восточная литература, 1998. – С. 128.

² Wimmer A. Dictionnaire de la langue nahuatl classique. 2006. URL: <http://sites.estvideo.net/malinal/nahuatl.page.html> (дата обращения 26.04.2015)

³ Simeon R. Diccionario de la lengua náhuatl o mexicana. México: Siglo Veintiuno, 1999. – P. 716.

⁴ Pérez Rocha E., Tena R. La nobleza indígena del centro de México después de la Conquista. México: IANH, 2002. – P. 390.

⁵ *Ibid.* – P. 384.

⁶ Evans S.T. Ancient Mexico and Central America: Archeology and Cultural History. – London: Thames & Hudson, 2013. – P. 194.

⁷ *Ibid.*

⁸ Motolinia T.B. Memoriales: Libro de Oro. – México: El colegio de México, 1996. – P. 164.

⁹ Sahagún B. El Códice Florentino. Historia general de las cosas de la Nueva España. – Vol. 1. – México: Fondo de la Cultura Económica, 1979–1981. – Lib. 4. f. 1v–2r.

¹⁰ Quiciones Kroeber E. Codex Telleriano-Remensis: Ritual, Divination and History in a Pictorial Aztec Manuscript. – Austin: University of Texas Press, 1995. – P. 26.

¹¹ Sahagún B. *Op. cit.* – Lib. 4, f. 9 r/v – 10 r.

¹² *Ibid.* – f. 10 v – 11 r.

¹³ Simeon R. *Op. cit.* – Pp. 325, 326.

¹⁴ Топоров В. Н. Фарн // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 569.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Longman Dictionary of Contemporary English. Director Della Summers. – Harlow: Pearson Education Limited, 2005. – P. 635.

¹⁷ Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы / Отв. ред. Грацианская Н.Н., Кожановский А.М. – М.: Наука, 1997. – С. 36, 168, 188, 200, 229, 230, 274, 275, 313, 355, 356, 392, 412, 429, 434; Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. М.: Издательство «Индрик», 2007. С. 234, 277, 284; О народах Южной Сибири и Центральной Азии – Т.Ю. Сем, личное сообщение.

¹⁸ Sahagún B. *Op. cit.*

¹⁹ Sahagún B. General History of the Things of New Spain (Florentine Codex). – Santa Fe: University of Utah Press, 1950–1982. – Part. 7. – P. 203.

²⁰ Wimmer A. *Op. cit.*

²¹ Sahagún B. *Op. cit.* – f. 6 v.

²² *Ibid.*

²³ *Ibid.*

²⁴ Chimapahin D.F. Las ocho relaciones y el Memorial de Colhuacan. – México: CONACULTA, 2003. – Vol. 2. – P. 317.

²⁵ Ruíz de Alarcón H. Tratado de supersticiones, hechicerías y otras costumbres gentílicas que hoy viven entre los indios de esta Nueva España. <http://www.biblioteca.org.ar/libros/89972.pdf> 2003 (дата обращения 26.04.2015).

²⁶ Cline H. The Oztoticpac Lands Map of Texcoco. 1540 // Reprinted from the April 1966 issue of the Quarterly Journal of the Library of Congress. – 1966. – V. 23:76–115 (April). P. 22.

²⁷ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 9, f. 35 v.

²⁸ *Ibid.* – Lib. 6. f. 143 r.

²⁹ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. Lib. 8, f. 31 v.

³⁰ McKeever Furst J.L. The Natural History of the Soul in Ancient Mexico. – New Haven and London: Yale University Press, 1995. – P. 127.

³¹ *Ibid.* – P. 126.

³² Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 8, f. 33 v; Alvarado Tezozomoc F. Crónica Mexicana. – Madrid: Dastin Historia, 2001. – P. 420.

³³ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 8, f. 56 v.

³⁴ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la Nueva España. Barcelona: Biblioteca Sopena, 1975. – Pp. 286–288.

³⁵ *Ibid.* – P. 288.

³⁶ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 9, f. 31 v.

³⁷ Díaz del Castillo B. *Op. cit.* – P. 283.

³⁸ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 9, f. 27 r.

³⁹ *Ibid.* – f. 33 v.

⁴⁰ Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. – М.: Наука, 1974. – С.159–168.

⁴¹ Bierhorst J. History and Mythology of the Aztecs. The Codex Chimalpopoca. – London, Tucson: University of Arizona Press, 1992. – Vol. 1. – P. 41.

МУЗЕЙНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

УДК 39

Электронный библиографический словарь «Собиратели Российского этнографического музея»: информационный ресурс нового поколения

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ФИШМАН

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Северо-Запада России и Прибалтики
e-mail: olga_fishman@mail.ru

Статья посвящена изложению опыта и методики создания электронных баз данных по коллекциям и собирателям Российского этнографического музея в контексте современных задач и проблем информатизации, интернет-технологий, этнографического музееведения и историографии этнологии. Электронный библиографический словарь «Собиратели Российского этнографического музея» анализируется как информационный ресурс нового поколения, свидетельствующий о перспективах обновления ряда традиционных направлений и видов музейной деятельности, формирования современного информационного пространства гуманитарного знания.

Ключевые слова: информатизация, интернет-технологии, этнографический музей, электронные базы данных, библиографический словарь, историография, источниковедение, персональная история, модель сотрудничества.

UDC 39

Electronic Biobibliographical Dictionary “The Collectors of the Russian Museum of Ethnography”: A New Generation Information Resource

OLGA M. FISHMAN, D.Sc. (History)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Head, Department of Ethnography of North-Western Russia and Baltic Regions
e-mail: olga_fishman@mail.ru

The paper gives an account of the experience and methods for creating electronic databases of collections and collectors of the Russian Museum of Ethnography in the context of modern tasks and problems of informational support, internet technologies, ethnographic museology and historiography of ethnology. The electronic biobibliographical dictionary “The Collectors of the Russian Museum of Ethnography” is analysed as a new generation information resource that reveals the prospects for updating the whole range of traditional types of museum activity, as well as the formation of the modern information space for humanitarian studies.

Key words: information support, internet technologies, Museum of Ethnography, electronic databases, biobibliographical dictionary, historiography, source studies, personal history, model of cooperation.